

Часть первая

Великий потоп

Глава первая

Сначала он зарычал, предупредив Атлатля о своем приближении, и этот рык прогремел, эхом отталкиваясь от высоких каменных стен. Атлатль мгновенно обернулся на звук и застыл в оцепенении, увидев страшного зверя.

Это был саблезубый тигр. Он находился на расстоянии броска копья. Но копья у Атлатля с собой не было. Он оставил его возле дерева у подножия холма.

Все равно на таком расстоянии от копья было бы мало толку. В детстве Атлатль упал с обрыва и сломал левое колено: теперь он не мог опираться на эту ногу, с какой бы силой ни метал копье.

Тигр снова зарычал и продвинулся к нему еще на один шаг.

Даже если бы Атлатль и мог убежать, что из-за хромой ноги было невозможно, все равно он оказался в ло-

вушке из отвесных скал. И поэтому зверь совершенно не торопился.

Тигр был большой, коренастый и грузный. Широкий в холке и груди. С большими мускулистыми ляжками.

Саблезубые тигры никогда не атаковали в стремительной погоне, как гепарды. Они выскакивали из засады и вонзали клыки в шею застигнутой врасплох жертвы или в мякоть брюха более крупной добычи — такой, как мамонт или верблюд.

Рыже-коричневый мех тигра колыхался при каждом движении огромных лап. Уже скоро зверь окажется совсем близко и совершит беспощадный прыжок, широко распахнув свирепые челюсти.

— Я не стою твоих усилий, — сказал Атлатль тигру. Ему пришлось сглотнуть несколько раз, чтобы вымолвить это пересохшим горлом. — Я костлявый. Мои кости застрянут у тебя в глотке, и ты подавишься.

Мальчику потребовалось сделать над собой невероятное усилие, чтобы говорить спокойно, скрывая свой дикий страх, смешанный с желанием закричать и убежать как можно быстрее. Прямо сейчас!

Однако Атлатль знал, что резкие движения заставят тигра сорваться и напасть. Как охотники, так и их

добыча учились выживать с самого раннего детства. А тех, кто поплатился за свою неосторожность, если, конечно, их тела потом находили, заворачивали в звериные шкуры и возвращали в лоно земли под плач женщин племени, которые с раскрашенными красной охрой лицами напевали траурные мелодии до самого захода солнца. Чтобы увековечить память о погибшем, члены племени рассказывали о нем истории, сидя вокруг костра.

Атлатлю ужасно хотелось сбежать, повинувшись своему животному страху, ведь он понимал, что эти огромные когти в любой момент могут вонзиться в его спину. Но Атлатль противился мысли погибнуть от подобных ран. Не хотелось, чтобы потом, когда его тело найдут, племя считало Атлатля трусом. Особенно Тахи, прекрасная Тахи. Он хотел, чтобы Тахи оплакивала его смерть, не стыдясь ничего. В конце концов, Атлатль взобрался на эти холмы, чтобы поохотиться на птиц и принести ей в подарок их разноцветные перья.

— Уходи, — сказал он саблезубому тигру. — Я шаман. Я могу заколдовать тебя. Превращу тебя в мышь и сожму так, что твои глаза вылезут наружу.

Это была пустая угроза. Атлатль вовсе не являлся шаманом племени. Такая честь выпала Банти, его дяде.

Атлатль же был обычным юношей, почти мужчиной, да еще и хромым на левую ногу.

— Я видел гигантского ленивца, — продолжил он, — внизу у холма. Он гораздо больше меня, и он все еще там. Ты ведь знаешь, что ленивцы очень медлительные, да?

Зверь проигнорировал предложение Атлатля поохотиться на другую добычу и продолжал крадучись приближаться к нему. И вот уже совсем скоро он набросится на свою жертву.

Атлатль понимал, что повел себя слишком неосторожно, и сомневался, что ему удастся выжить и извлечь урок из своей ошибки.

* * *

Это случилось в полдень, незадолго до Великого потопа.

Атлатль стоял на краю высокой отвесной скалы, осматривая поросшие травой холмы и редкую поросль деревьев Черепашьей долины. Это была широкая долина; по ее западной стороне, на расстоянии не меньше одного дня ходьбы, в сиреневатой дымке тянулась гряда невысоких гор. Далеко на севере высилась Гора призраков, куда племя никогда не кочевало. По ту сторону

горы простиралась земля богов, где жил Бог-Черепаха, связанный по рукам и ногам другими богами, чтобы уберечь людей от его гнева. Да, не стоило простым смертным вступать в те земли.

Атлатль забрался высоко на холмы в поисках уединенного места, чтобы опробовать новое оружие для охоты на птиц.

Эта идея пришла ему в голову накануне. Атлатль бродил, тыча в заросли кустарника длинной палкой в надежде выгнать оттуда мышей и прихлопнуть их. За ним увязалась небольшая змейка и поползла вверх по его палке. Атлатль непроизвольно смахнул змею запястьем, отшвырнув ее так далеко, что удар о землю при падении оглушил животное.

Змеиное мясо считалось деликатесом, поэтому Атлатль решил убить змею, прежде чем она успеет уползти. Он поднял ногу, чтобы пяткой раздавить ей голову, но та вдруг ожила. Тогда Атлатль провел концом палки по земле, подцепив змею посередине тела, и швырнул ее еще сильнее, чем в первый раз, удивившись тому, как далеко он смог отбросить жертву с помощью своего орудия. Змея шлепнулась на землю и уже больше не шевелилась. Атлатль отнес добычу к стойбищу, чтобы там снять с нее шкуру, но все его мысли были о палке, а не о вкусной испеченной змее.

«Почему бы, — рассуждал юноша, — не попытаться подбросить таким же образом и камень, чтобы с дальнего расстояния подбить птицу?»

Атлатлю не хотелось, чтобы кто-то из женщин или детей расспрашивал его, отвлекая от работы. Хватало и того, что он каждый день хромал у них на виду. Если Атлатль возьмется за эту затею и у него ничего не выйдет, то он будет выглядеть в их глазах еще более жалким. Но если все получится, тогда он сможет охотиться на птиц с разноцветными перьями и приносить их Тахи.

Так в одиночестве Атлатль провел на холмах несколько часов, строгая и отесывая с помощью специального каменного орудия — резца — отломанную толстую ветку.

Нижняя часть резца представляла собой ровный полукруг, который хорошо ложился в ладонь. Вверху у резца была большая зазубрина, торчащая, как заостренный клюв. Крепко сжимая резец, он водил этим клювом по кости, рогу или дереву, аккуратно строгая их.

В итоге Атлатль укоротил палку до длины своей руки. На ее конце он оставил короткий разветвленный отросток. К нему он пришил небольшой кожаный мешочек. На это тоже ушло некоторое время. Он научился шить у своей бабушки Вавацеки, но делал это не так мастерски, как она.

Атлатль считал, что результат стоил затраченного времени и усилий. Мешочек выглядел как небольшая чаша между двумя отростками, способная удержать камень. Используя палку как продолжение своей правой руки, теперь он мог с силой метнуть камень, несмотря на вывихнутое колено.

Захватив камень и новое оружие, Атлатль отправился на поиски птиц и другой некрупной добычи. Вскоре его внимание привлекло верещание соек. Своими тревожными криками они предупреждали других птиц о присутствии какого-то мелкого хищника. Если юноша подойдет поближе, то сможет поохотиться на соек и, может быть, даже на это животное.

Подкравшись, Атлатль оказался в ущелье, ведущем к отвесной стене на краю долины и заваленном с обеих сторон обломками песчаника. На его склонах росли густые кусты, образуя заступы. В зарослях кустарника скакали сойки, исступленно вереща при каждом движении какого-то существа, прятавшегося в листве.

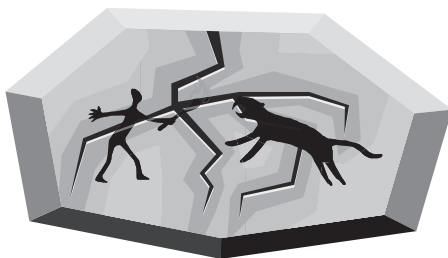
Атлатль не мог разглядеть, из-за кого шевелилась листва. Он подбирался все ближе, готовясь метнуть камень.

Пока вдруг не услышал рычание саблезубого тигра.

Теперь, когда зверь подкрадывался к нему, Атлатль понял, что не следовало так увлекаться охотой. Ему нужно

всегда быть начеку на случай опасности, ведь окрестности просто кишели хищниками. Волки, львы, гепарды, короткомордые медведи и саблезубые тигры... Этим зверей также могло привлечь тревожное верещание соек.

Но это знание ничем не могло ему помочь, так как было уже поздно. Слишком поздно.

Глава вторая

Подкрадывающийся саблезубый тигр казался так поглощен охотой на Атлатля, как и сам юноша до этого был захвачен азартом, выслеживая соек.

— Ой-ла-ла-а, — запел Атлатль. Может быть, столь странный звук введет зверя в замешательство? Все в племени считали, что Атлатль издавал поистине странные звуки, когда пел. — Ой-ла-ла-а! Ой-ла-ла-ла-ла-ла-а-а...

Саблезубый тигр раскачивал головой из стороны в сторону, будто принюхивался к слабому ветерку, веявшему из-за плеч Атлатля в сторону зверя.

Расстояние между добычей и охотником сокращалось.

— Я тебя предупреждаю, — сказал Атлатль. — Я вооружен камнеметалкой, которая заставит тебя пожалеть об этом!

Саблезубый тигр проигнорировал его предупреждение.

— Ты не оставляешь мне выбора, — с этими словами Атлатль выстрелил камнем из своего оружия. Он попал саблезубому тигру в лопатку, но это лишь на мгновение отвлекло внимание зверя, словно в него врезалась большая муха.

Атлатль не без удовлетворения отметил, что такой выстрел мог убить сойку. Но еще он понял, что не время гордиться — его оружие бессильно против саблезубого тигра, или волка, или короткомордого медведя, или льва. Ему предстояло погибнуть с бесполезным оружием в руках.

Атлатль отступил на несколько шагов назад, наткнувшись на отвесную скалу. Прямо у него над головой галдели сойки и рос кустарник.

Саблезубый тигр приближался.

Атлатлю ничего не оставалось, кроме как принять стойку и попытаться защититься с помощью заостренных отростков на конце палки.

— Это твой последний шанс, — произнес Атлатль. — Остановись сейчас же или погибни от моих рук!

Правой рукой он упер рукоять палки в склон скалы позади себя, направляя ее сучья вверх. Когда саблезубый тигр совершит прыжок, Атлатль резко опустит передний конец палки так, чтобы она оказалась в горизонтальном положении, и в последнюю секунду, упирая ее

в скалу, отступит в сторону в надежде, что зверь наткнется на импровизированный кол. Шансы были невелики, но рискнуть стоило.

Атлатль приготовился. Он чувствовал учащенное биение своего сердца. Быть может, это последний день его жизни. Найдут ли потом его тело и станет ли бабушка Вавацека и все остальные в племени раскрашивать себя красной охрой в его честь и рассказывать у костра истории об Атлатле, дабы сохранить о нем память?

Он почувствовал сладкое благоухание цветов. Услышал жужжание пчел. Ощутил солнечное тепло на своих руках и плечах. Атлатль удивился, почему до этого момента никогда раньше не ценил, как это хорошо — быть живым.

Он решил, что, если это будет его последний вздох, тогда он подумает о Тахи, о том, как она пела у костра и пламя отражалось в ее глазах. Имело ли теперь какое-либо значение то, как Пауоу хвастался перед остальными охотниками, что именно ему достанется Тахи? Если Атлатлю в его предсмертный час пригрезится Тахи, тогда, наверное, он будет тешить себя надеждой, что именно для него пела она свои песни.

Но вдруг откуда ни возьмись детеныш саблезубого тигра проскочил по уступу между ног Атлатля и бросился прямо к свирепому хищнику.

В то же мгновение Атлатль заметил набухшие молочные железы саблезубого зверя и понял, что это была мать с детенышем — совсем маленьким, еще сосунком.

Он также понял, что все это время сойки верещали при виде детеныша. За спиной у зверя у склона горы находилась небольшая пещера, которую Атлатль сразу не заметил: это было логово саблезубой тигрицы.

Детеныш спотыкался и кувыркался. Взывая о помощи, он скатился прямо к огромным лапам матери. Тигрица наклонила голову, зубами осторожно ухватила детеныша за холку и направилась к логову. Атлатль вдохнул, чувствуя, что его грудь снова стала наполняться воздухом. Тигрица больше не выказывала к нему интереса. По крайней мере, пока.

Но как только юноша испустил вздох облегчения, с другой стороны от логова тигрицы появились два лютых волка: их силуэты отделились от небольшой рощи, находившейся между тигрицей и ее логовом.

Волков тоже привлекли отчаянные крики соек.

Саблезубая тигрица-мать опустила детеныша у своих передних лап и зарычала на лютых волков.

Еще четверо хищников медленно вышли из-за деревьев и встали полукругом напротив Атлатля и саблезубой тигрицы с детенышем.

Глава третья

Лютые волки. У них темный мех, желтые глаза и мощные челюсти, способные переломать кости своих жертв. Они охотились стаями и могли даже отбивать молодых мамонтов от стада.

И как раз сейчас они явно собирались применить это умение.

Саблезубая тигрица была гораздо крупнее любого волка по отдельности: шире в груди, выше в холке. Поэтому ни один серый хищник не пошел в лобовую атаку. Окружая тигрицу и ее детеныша, они подкрадывались к ним одновременно с разных сторон.

Тигренок пронзительно и яростно взвизгнул, а его мать зарычала. Волки подбирались все ближе, прижимая их к скале настолько близко к Атлатю, что он почувствовал мускусный запах тигриной шерсти.

Оглавление

<i>Часть первая. Великий потоп</i>	5
Глава первая.....	6
Глава вторая.....	14
Глава третья.....	18
Глава четвертая.....	26
Глава пятая.....	32
Глава шестая.....	41
Глава седьмая.....	51
Глава восьмая.....	62
Глава девятая.....	70
Глава десятая.....	79
Глава одиннадцатая.....	84
Глава двенадцатая.....	93
Глава тринадцатая.....	100

Глава четырнадцатая	105
Глава пятнадцатая	112
Глава шестнадцатая	118
Глава семнадцатая	126
Глава восемнадцатая.....	134
Глава девятнадцатая	144
<i>Часть вторая. Бог-Черепаша</i>	153
Глава двадцатая	154
Глава двадцать первая.....	164
Глава двадцать вторая.....	173
Глава двадцать третья	183
Глава двадцать четвертая.....	191
Глава двадцать пятая	200
Глава двадцать шестая	208
Глава двадцать седьмая.....	214
<i>Часть третья. Собрание</i>	219
Глава двадцать восьмая	220
Глава двадцать девятая	229
Глава тридцатая.....	234
Глава тридцать первая	240
Глава тридцать вторая	250
Глава тридцать третья.....	260
<i>Примечания</i>	264